

На правах рукописи

КРАСНОПЁРОВ Александр Анатольевич

КОСТЮМ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕГАНДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИКАМЬЕ  
(II В. ДО Н.Э. – V В. Н.Э.)

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Ижевск

2006

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат исторических наук  
Елизавета Михайловна Черных

Официальные оппоненты: доктор исторических наук  
Надежда Ивановна Шутова

доктор исторических наук  
Татьяна Багишевна Никитина

Ведущая организация: ГОУ ВПО "Самарский государственный университет"

Защита состоится «14 марта» 2006 г. в \_\_\_\_ часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет»

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Автореферат разослан «\_\_\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2006 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета,  
кандидат исторических наук

Г.Н. Журавлева

## Общая характеристика работы

Актуальность темы. Костюм – один из наиболее важных элементов жизни человека. Вместе с жилищем, орудиями труда и производственными навыками, пищей и утварью одежда образует широкую область материальной культуры общества. Являясь сложной знаковой системой, позволяющей различать людей по полу и возрасту, по территориальной, этнической, религиозной, социальной принадлежности, народный костюм носит ярко выраженный этнический характер. Костюм – это одновременно и комплекс самых разнообразных элементов, формирующих внешний облик человека: нижняя и верхняя одежда, плечевая и поясная, головные уборы, обувь, украшения. К нему же относятся и аксессуары (сумочки, кошельки, туалетные принадлежности). Они всегда выступают согласованно, сочетаясь друг с другом, по форме, цвету, материалу изготовления, образуя единый стилевой ансамбль.

Костюм как целостное явление представлен не только этнографическими образцами, но и в виде археологических остатков. Иногда происходит сближение обоих источников, что зафиксировано в скальных могильниках Кавказа, замерзших могилах Алтая или высушенных погребениях пустынь. Но, если в изучении этнографического костюма уже существуют значительные наработки, то археологический костюм изучен слабо, порою непоследовательно. Достаточно сказать, что по теме археологического костюма защищено не более десятка диссертаций.

К настоящему времени накоплен значительный полевой материал из раскопок могильников в Прикамье, появились многочисленные публикации, посвященные отдельным аспектам истории этносов. Назрела необходимость перейти от традиционного изучения типологии вещей к комплексному исследованию костюма и попытаться охарактеризовать его по единой программе на основании всей совокупности имеющихся источников.

Степень изученности темы. Несмотря на долгую историю изучения костюма по археологическим данным, крупных обобщающих работ немного. Чаще всего рассматривалась одежда народов, имевших, помимо археологических, близкие этнографические свидетельства и письменные данные путешественников. Причем большинство работ рассматривает мелкие костюмные аксессуары, а не одежду в целом. Серьезному изучению подвергались истоки возникновения одежды (эпоха палеолита, в том числе и благодаря находкам в Сунгири); костюм ираноязычных кочевников (культуры степной бронзы; скифов и сармат; пазырыкцев). В прикамской археологии изучалась одежда раннего железного века (ананьино), раннего (ломоватово – роданово) и развитого

средневековья (предки коми, мари, удмуртов). Костюм пьяноборской эпохи главным образом рассматривался в контексте диссертационных исследований по материалам отдельных «богатых» захоронений. Последняя обобщающая работа В.Ф. Генинга была написана до 1959 г. и опубликована в 1970 г.

До сих пор в распоряжении исследователей нет даже единого корпуса источников по истории чегандинского костюма – не определены принципы типологии предметов костюма (в отличие от отдельных категорий погребального инвентаря), не выделены отдельные типы и варианты деталей костюма. Без обработки полевых материалов и создания на их основе корпуса источников невозможно дальнейшее продолжение исследований, основными направлениями которых могут стать: рассмотрение истоков формирования костюма, сложения костюмных комплексов различных подразделений этноса (= археологической культуры), социальные, экономические аспекты костюма.

Объектом исследования выбраны погребения чегандинской культуры, конкретно – остатки деталей одежды (фрагменты меха, ткани, кожи) и ее декора в виде бляшек, накладок, бус, пронизок, застежек. Дополнительно рассматривались предметы вооружения и хозяйственной деятельности, такие как мечи, кинжалы, оселки, ножи, которые хоть напрямую не относятся к одежде, но они крепились на поясе, составляя с ним единый ансамбль.

Предметом исследования является костюм населения чегандинской культуры.

Цель работы заключается в реконструкции костюма населения чегандинской культуры в Прикамье. При этом необходимо определить основные принципы типологии, выделить характерные детали костюма и варианты их оформления. Имеющийся археологический материал позволяет достаточно достоверно реконструировать и костюмные комплексы. Для достижения основной цели исследования, автором решались конкретные взаимосвязанные и взаимообусловленные задачи:

1. Охарактеризовать состояние и степень изученности темы.
2. Определить методологические подходы к решению вопросов реконструкции костюма.
3. Выявить и охарактеризовать основные части чегандинского костюма, создать корпус источников по костюму прикамского населения II в. до н.э. – V в. н.э.
4. Попытаться выделить комплексы традиционного костюма и украшений населения чегандинской культуры на основе обобщения обработанных материалов; картографировать детали костюма; наметить пути дальнейших исследований и их проблематику.

Картографирование производилось на основе типологической классификации элементов костюма и сводилось в конечном итоге к выделению ареалов распространения их конкретных типов и вариантов.

Выбранная концепция развития археологических культур Прикамья определила территориальные и хронологические рамки исследования. Охвачен весь период существования древностей чегандинской культуры пьяноборской КИО: со II в. до н.э. по V в. н.э., в среднем течении р.Камы с притоками.

Материал, использованный в работе, можно разделить на два периода: ранний, объединив выделенные Р.Д. Голдиной икскую и афонинскую стадии (II в. до н.э. – III в. н.э.), и поздний (III-V вв. н.э.). Ранний период фигурирует в исследовании под названием раннечегандинского, поздний – мазунинского.

Методологической основой работы является комплексный метод. Он подразумевает: а) использование массовых находок, систематизацию данных; б) стремление к всестороннему охвату памятников; в) привлечение комплексов источников других наук – исторических (письменных), этнографических, антропологических, лингвистических (язык, фольклор и др.); г) выявление в истории древнего населения узловых моментов, отражающих качественные изменения в хозяйстве и обществе. Для правильного решения задач, стоящих перед исследователем необходимо брать: большой хронологический диапазон, включающий несколько стадий, этапов, чтобы рассмотреть явление в исторической перспективе; и охватить большой регион, позволяющий рассмотреть объект со всеми его локальными особенностями. Для решения конкретных задач применялись методы анализа, аналогий, картографирования, типологический, этнографических параллелей.

Источниковая база исследования. Автором были изучены остатки предметов костюма из погребений 80 могильников, относящихся к чегандинской культуре и содержащих 7373 захоронений. Привлечены материалы раскопок памятников как по публикациям и отчетам, так и по археологическим коллекциям.

Цель и задачи работы обусловили необходимость ознакомления с архивными планами могил. Работа написана на материалах полевых исследований на территории Удмуртии, Татарстана, Башкирии, Кировской области, Пермского края, проведенных АЭ БГУ, АЭ БГПУ, АЭ ГАИМК, АЭ ИЯЛИ КФАН, АЭ УРМ, БАЭ, КАЭ, КВАЭ, НКАЭ, РАЭ, УАЭ и другими. Руководство раскопками осуществляли Б.Б. Агеев, О.А. Арматынская, Л.И. Ашихмина, Л.А. Беркутов, В.А. Бернц, С.М. Васюткин, Н.В. Водолаго, Н.Г. Гарустович, В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина, Г.Н. Журавлева, С.Э. Зубов, В.А. Иванов, Е.П. Казаков, О.А.

Казанцева, В.К. Калинин, А.В. Коновалов, К.И. Корепанов, Н.А. Мажитов, Л.А. Наговицын, Ф.Д. Нефедов, Г.Т. Обыденнова, Т.И. Останина, Н.Б. Попова, А.Х. Пшеничнюк, Н.Л. Решетников, В.А. Семенов, А.А. Спицын, П.Н. Старостин, В.Е. Стоянов, А.Н. Султанова, Ф.А. Сунгатов, Ф.М. Тагиров, М.Г. Худяков, Е.М. Черных, А.П. Шокуров, Т.К. Ютина. Сбор материала происходил в архивах БГУ, БГПУ, ИА РАН, ИИКНП, КА ПГУ, МА КГУ, МИКНСП, НМРТ, НМУР, ПНИАЛ УрГУ, ПОКМ, УНЦ РАН, ЦЭИ МАЭ УНЦ РАН, УИИЯЛ, личных архивах авторов раскопок и исследователей (Б.Б. Агеева, Д.Г. Бугрова, Г.Н. Журавлевой, Н.А. Лещинской, А.Х. Пшеничнюка, Н.Л. Решетникова, П.Н. Старостина, А.Н. Султановой). Обработывались коллекции, хранящиеся в Национальном музее РТ (г.Казань), Музее древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья УдГУ (г.Ижевск), Музее истории и культуры народов Среднего Прикамья (г.Сарапул), Центре этнологических исследований и музее археологии и этнографии УНЦ РАН (г.Уфа), Национальном музее УР им. К. Герда (г.Ижевск).

Для дальнейшего исследования были отобраны захоронения с сохранившимся, относительно останков умершего, первоначальным расположением орудий труда, оружия, украшений, деталей костюма, включая все случаи с несохранившимся костяком, но сохранившимся порядком расположения вещей. Поскольку погребения содержат разный объем информации, количество учтенных захоронений разнится для каждой категории костюма. Расположение различных деталей, относящихся к костюму, фиксирует предполагаемые несохранившиеся части одежды и позволяет сделать предположения об их составе и покрое.

В качестве дополнительных источников привлекались данные этнографии и находки глиняной пластики с поселений рассматриваемого периода, которые большинством исследователей интерпретируются как антропо-зооморфные, а налестной и ногтевой орнамент трактуется как изображения одежды. Для большинства отделов костюма круг аналогий определен ананьинскими, азелинскими, кара-абызскими, скифскими, балтскими древностями.

Научная новизна исследования состоит в том, что наряду со вводом новых археологических материалов и их интерпретацией, были предложены и апробированы новые для прикамской археологии методические подходы к решению поставленных проблем изучения археологического костюма, а также новая трактовка развития костюма населения Прикамья.

Практическая значимость работы состоит в более полном освещении одного из периодов в истории развития прикамского костюма. Разработки автора могут быть

использованы при написании учебных и методических пособий, теоретических работ по этнографии и древней истории Урала, Удмуртии в лекционных курсах, при оформлении музейных экспозиций.

Созданный корпус источников поможет в будущем решить ряд вопросов исторического порядка, в частности, проблему формирования удмуртского костюма, как части национальной культуры, проблему реконструкции этнических процессов в Прикамье в ранние периоды истории.

Основные положения, выносимые на защиту. 1. Материалы погребальных памятников чегандинской культуры, впервые собранные и обработанные во всей своей полноте, могут служить прекрасным источником для реконструкции костюма древнего населения Прикамья, благодаря обширности занимаемой территории, значительному историческому промежутку бытования, историческим судьбам носителей.

2. Костюм чегандинского населения может быть корректно исследован не основе планомерного сбора данных, всестороннего изучения и строгого отбора значимых признаков. Методические наработки этнографов могут с успехом применяться в археологических исследованиях. Условность математических методов, абсолютизируемых многими археологами, практически исключает их из возможного круга методических приемов, приемлемых для изучения костюма. Совершенно оправданным является рассмотрение истории костюма в динамике ее развития, выявившей значительные неточности в определении этапов генезиса национального удмуртского костюма, сложение которого можно отнести лишь к IX-X вв. н.э.

3. Изучение чегандинского костюма позволяет по-новому взглянуть на культурные контакты древнего населения Прикамья, оценить степень влияния различных этнических и языковых групп на сложение материальной культуры местных племен. Наиболее ранними являются контакты с ираноязычными племенами Великого пояса степей, оставившими значительный след в костюме именно древнего населения. Первая волна костюмных заимствований происходила в развитом бронзовом веке, вторая – в скифо-сарматскую эпоху. К этому периоду относятся заимствования различных видов головных уборов, системы размещения декора на одежде, обуви, общий для всего периода раннего железного века крой. В два этапа происходило влияние тюркоязычных народов. Начало контактов наблюдается в V – середине VI в. н.э., что отразилось в появлении новых форм поясных украшений, вторая волна (выходящая за рамки настоящего исследования) относится к рубежу I-II тыс. и связана с влиянием крупнейшего этнополитического образования – государства Волжских Булгар.

Фиксируется и костюмное влияние сибирского населения (декор и крой верхней одежды), но собранные материалы не позволяют связать его с каким-либо определенным временем.

Апробация работы. Основные результаты и выводы работы были представлены автором на региональных, общероссийских и международных конференциях в Пензе (02.2004), Казани (03.2004), Глазове (11.2004), Омске (11.2004), Челябинске (02.2005), Екатеринбурге (05.2005), Уфе (06.2005), а также в представленных в печать и опубликованных работах общим объемом около трех п.л.

Структура работы обусловлена задачами, каждая из которых освящена в самостоятельной главе. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, текстовых и графических приложений. Основные параграфы работы изложены по следующей схеме: 1) краткая характеристика изучаемого явления; 2) принципы классификации; 3) иллюстрации классификационных схем, реконструкция и характеристика выделенных типов и вариантов основных элементов костюма; 4) эволюция костюма и его элементов. Описание явлений сопровождается иллюстративным материалом, представленным в приложениях: рисунки, графические реконструкции, карты. Подрисуночные подписи, даты, названия местностей даны в соответствии с имеющейся научной документацией.

#### Основное содержание работы.

Во Введении охарактеризованы актуальность темы, объект, предмет, цель, задачи работы, основные методические приемы, определены территориальные и хронологические рамки, круг привлекаемых источников.

#### Глава I. Отечественная историография истории костюма.

В рамках изучения истории костюма можно выделить два значительных направления, определяющихся видом источника – этнографическое и археологическое. Тема данного исследования позволяет разделить последнее на самостоятельные разделы: история изучения археологического костюма в целом, археологического костюма различных эпох в Прикамье и историю изучения костюма пьяноборской эпохи.

Народный костюм населения Прикамья, как предмет специального исследования, наиболее полно представлен в *этнографической* литературе. Самые ранние упоминания принадлежат сотрудникам «академических экспедиций» – Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа, И.Г. Георги, Н.П. Рычкова. По мнению И.А. Косаревой, описания одежды,



составленные в этот период, очень кратки, иллюстрации неточны, и в целом до середины XIX в. информация крайне фрагментарна и не создает целостной картины (Косарева И.А., 2000, с. 10). Наиболее значительные исследования, основанные на научном анализе музейных коллекций и личной экспедиционной работе, появились в советское время. Прежде всего – это работы В.Н. Белицер, Н.И. Гаген-Торн, Т.А. Крюковой, К.М. Климова, Л.А. Молчановой, С.Н. Виноградова, Л.А. Волковой. Заметным явлением стала статья С.Х. Лебедевой и М.Г. Атаманова «Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом» (1987), в основу которой легли полевые материалы авторов. В монографии И.А. Косаревой (2000) рассмотрены женские костюмные комплексы периферийных, в том числе закамских, групп удмуртов.

Изучение костюма насчитывает длительную историю и в *археологических* работах, однако подавляющее большинство их посвящено не реконструкции костюма в целом, а изучению мелких костюмных аксессуаров с целью их типологизации. Иначе дело обстоит с изучением собственно одежды. Можно назвать две причины этого: 1) с одной стороны сохранность самих материалов – они фрагментарны, трудно интерпретируемы; 2) с другой – металлические аксессуары более эффектны и «престижны» для изучения (Яценко С.А., 2002, с. 4).

Историография изучения костюма практически самостоятельна для каждой эпохи. Собственную историографию имеет проблема генезиса костюма в эпоху палеолита – ярким свидетельством облика одежды палеолитического человека, безусловно, являются находки в Сунгири. Одежда средней и поздней поры каменного века изучена весьма слабо. Серьезному изучению подвергалась одежда андроновско-алакульско-федоровского населения бронзового века (культуры степной бронзы), детально исследованы головные уборы и наколки, являющиеся этническими определителями погребений данного круга памятников. Многочисленная литература посвящена одежде и украшениям савромато-скифо-сарматской эпохи. Уникальная сохранность предметов одежды в могильниках скифского времени на Алтае, дает важную информацию о покрое одежды кочевников этой эпохи, тканях, цветовой гамме, декоре, головных уборах и многом другом. Многочисленные исследования посвящены средневековым костюмным материалам.

При отсутствии единой методики, специальные исследования по истории костюма немногочисленны и для *прикамских культур*. Рассматривалась одежда ананьинского населения (А.В. Збруева, В.С. Патрушев, А.Х. Халиков), средневековых предков удмуртов,

мари (М.Г. Иванова, В.А. Семенов, А.П. Смирнов, Т.Б. Никитина, И.Г. Шапран, Н.И. Шутова), коми (Н.Б. Крыласова, Л.П. Лашук, Э.А. Савельева, М.В. Талицкий).

К характеристике *пьяноборского костюма* обращались А.А. Спицын, Н.Ф. Калинин, М.Г. Худяков, А.П. Смирнов, О.В. Малышева. Наиболее полно костюм пьяноборской эпохи рассмотрен в работах В.Ф. Генинга. В его кандидатской диссертации, статьях, и монографиях костюму отведено большое место, при этом отмечается, что работа посвящена не столько типологии вещей, сколько восстановлению облика того наряда, который был в моде в период существования вещей (Генинг В.Ф., 1970, с. 140). Им предложена типология предметов одежды, разительно отличавшаяся от типологии вещей. Выделены три варианта головных уборов, различия в способах ношения височных украшений, два вида браслетов, из которых один не был бы выделен при обычной типологии вещей (браслет из пронизок на кожаном шнурке), три типа нагрудников (по вариантам их оформления). Отмечены украшения рукавов – бляшки и подвески. Отдельно рассмотрены пояса и обувные украшения (Генинг В.Ф., 1958; 1959; 1963а; 1963б; 1970).

Отдельная информация по истории костюма содержится в работах многих авторов, занимавшихся рассмотрением той или иной культуры. Реконструкции костюма носителей конкретной АК, выполняются с использованием наиболее ярких комплексов. Применительно к рассматриваемому периоду в приуральском регионе можно отметить работы Т.И. Останиной (1997), А.Х. Пшеничнюка (1973) и др. Между тем, материалы, накопленные археологией к настоящему времени огромны и достойны большего.

Подводя краткий итог изучению истории древней одежды можно отметить, что костюм не изучен в полной мере ни для одной из эпох. Причина видится в сложности самой работы над источником (необходимы детальные описания и планы, которые имеются не всегда) и отсутствии единой методики реконструкции облика одежды (каждому исследователю приходится фактически разрабатывать ее самостоятельно).

## Глава II. Методические подходы к изучению костюма.

Единой общепринятой методики реконструкции костюма древнего населения по археологическим данным не существует. Каждый исследователь сегодня сам для себя формирует методы реконструкции костюма по археологическим данным на основе личного опыта, или присоединяясь к позиции одного из коллег. При этом приходится одновременно собирать неопубликованные архивные материалы, обрабатывать их на разных уровнях, решать методологические и методические проблемы. Учитывая направленность данной

работы, имеет смысл остановиться на истории развития методики этнографического и археологического изучения костюма подробнее.

Приоритет в изучении одежды принадлежит, конечно же, *этнографам*. Одной из работ, посвященных классификации предметов одежды, стала монография Б.А. Куфтина, впервые дающая законченную и четкую методику описания одежды на основе распластанного кроя. Его классификация легла в основу многих последующих трудов – В.Н. Белицер (1951, 1958, 1973), Г.С. Масловой (1956), Н.И. Лебедевой и Г.С. Масловой (1967), Н.Ф. Прытковой (1961, 1970). Появившуюся в 1933 г. статью Н.И. Гаген-Торн можно рассматривать как рецензию на монографию Б.А. Куфтина. По мнению исследовательницы, типы кроя необходимо рассматривать в совокупности с другими деталями одежды, что позволяет связать тип кроя с хозяйственными занятиями. Имеющаяся классификация была дополнена В.Л. Сычевым. Им было выделено три типа кроя, первоначально связанных, по мнению исследователя, с особенностями хозяйственной деятельности. I тип – из двух полотнищ, генетически связан с культурно-хозяйственными типами, в которых преобладало земледелие. Его ранняя форма – распашная. Нераспашная одежда этого типа развилась из распашной под влиянием одежды второго типа, ориентировочно в районах Западной или Центральной Азии. II тип – из одного полотнища, генетически связан с культурно-хозяйственными типами в которых преобладало скотоводство. Его ранняя форма – нераспашная. Распашная форма развилась под влиянием одежды первого типа. III тип – также из одного полотнища, но не с вертикальным, а с криволинейным разрезом. Крой связан с традицией изготовления такой одежды из шкур, и, таким образом, с охотничьим хозяйством. Контакты между различными этносами привели к тому, что скотоводы могли перенимать крой земледельческих племен, и наоборот (Сычев В.Л., 1977).

В современной *археологии* можно отметить два направления в восстановлении облика костюма: 1) реконструкция на основе комбинирования предметов, найденных в разных местах; 2) реконструкция, в основе которой лежит закрытый комплекс. Но лишь в нескольких работах описываются методы восстановления облика одежды по ее остаткам, находимым в процессе раскопок (Бадер О.Н., 1998; Дворниченко В.В., Плахов В.В., Сергацков И.В., 2002; Ковпаненко Г.Т., 1986; Краснов Ю.А., 1980, 1982; Кунгурова И.Ю., 2004; Яценко С.А., 1987). Авторы ставят обязательным условием для правдивой реконструкции одежды скрупулезную фиксацию украшений и элементов костюма в полевых условиях, наличие многочисленных детальных планов. Выводы делаются на основании погребений, содержащих значительное количество разного вида обшивок: тысячи бус в Сунгире, сотни накладок и подвесок,

украшавших одежду погребенных эпохи неолита, бляшечные обшивки в богатых погребениях скифской и сарматской знати. Для чегандинских погребений ни наличие многочисленных обшивок, ни детальная их фиксация, в принципе, не характерны.

Для изучения древнего костюма также используются методы математической статистики. Так, верхнекамские могильники были проанализированы Н.Б. Крыласовой, использовавшей выборочно погребения VIII-XI вв. с обрядом труположения. Убор костюма реконструирован на основе месторасположения элементов в погребении. Это позволило выявить закономерности размещения элементов в костюме и распространить полученные результаты на захоронения с обрядом кремации. Однако, предложенная классификация очень дробная, некоторые группы содержат по два-три погребения, которые за счет их малочисленности представлены в процентном соотношении как 33,3 %, 66,6 % (Крыласова Н.Б., 2000; 2001, с. 11). Ю.В. Степановой были систематизированы данные и создана база данных «Погребальный костюм сельского населения Верхневолжья X-XIII вв.» в СУБД «ACCESS». Также были выделены костюмные комплексы, различных возрастных групп (Степанова Ю.В., 2003).

Для решения задачи реконструкции одежды, в чем автор солидарен с С.А. Яценко, необходим комплексный подход, основными принципами которого являются: использование всех видов источников (археологические остатки, изобразительные материалы и др.); рассмотрение основных предметов костюма как единого костюмного комплекса; описание костюма по единой программе; анализ эволюции костюма под влиянием различных факторов (миграции, функционирование торговых путей, брачные контакты и др.) (Яценко С.А., 2002, с. 10).

Первоначально в работу были включены материалы всех 80 могильников, относимых автором к чегандинской (по Р.Д. Голдиной) культуре. В ходе исследования количество памятников было ограничено по следующим соображениям: погребения должны были отвечать определенным условиям, самым главным из которых было наличие вещевого инвентаря, относящегося к деталям костюма. Во-вторых, расположение вещей относительно костяка должно было соответствовать его первоначальному положению. Разрушенные погребения отчасти отвечали этим требованиям – их материалы использовались, где это возможно, для характеристики отдельных деталей одежды. В погребениях выделялись зоны, соответствующие основным частям костюма: головному убору, самой одежде (включая зоны оформления ворота, рукавов, подола) и способам ее скрепления (застежки), шейным украшениям, поясу, обуви, украшениям рук. Особое внимание уделялось наличию

органических остатков одежды и отпечатков текстиля на металле. Украшения и орудия труда, входившие в состав жертвенного комплекса, в работе фиксировались лишь как «жертвенный комплекс». В качестве единицы наблюдения принимается захоронение одного индивида (в том числе ямы с несохранившимися костяками).

Среди археологических источников следует отметить также изображения одежды на мелкой пластике, происходящей, в большинстве своем, с поселений позднеананьинско-раннечегандинского времени.

Традиционно, массовый материал принято рассматривать с привлечением математических (статистических) методов. К сожалению, особенностью археологизированного костюма является низкая степень его сохранности. В большинстве случаев, органическая основа одежды не сохраняется, и исследователь имеет дело лишь с «фрагментами» объекта – различными деталями неорганического происхождения, которые, однако, свидетельствуют о внешнем виде и крое одежды и составе костюма. Для реконструкции кроя костюма нет принципиальной важности в количественных показателях той или иной категории инвентаря. Важнейшее значение имеет место расположение элементов. Кроме того, деталями, определяющими крой и вид, являются «ворот», «подол», «рукава», которые присутствуют всегда, независимо от степени их украшенности (представленности среди погребального инвентаря).

У многих археологов «увлечение» цифровыми показателями стало основным «критерием качества» исследования. Однако далеко не всегда цифровые данные рисуют реальную картину какого-либо процесса, и еще реже соответствуют задачам исследования. Все сказанное относится и к данной работе. Традиционный костюм (археологический или этнографический) не может изучаться с помощью чисел, это совершенно искажает реальные факты бытования того или иного типа одежды. Наибольшую сложность представляет индивидуализированность традиционного костюма, создаваемого конкретным носителем с учетом традиций данного общества, личного, семейного, имущественного статуса, частных костюмных инициатив, новых технических возможностей и «веяний моды».

Автору, прежде всего, интересен костюм в его многообразии. Но многообразие определяется не количеством тех или иных украшений (бус, бляшек), а местом и характером их размещения в декоре одежды. Количественная характеристика не важна и для картографирования – ареалы распространения элемента также не зависят от его математической представленности.

В работе предложены принципы конструктивной классификации предметов одежды. Применительно к костюму автор считает основными конструктивными элементами детали одежды, различающиеся по месту крепления/нахождения в могиле: 1) головной убор; 2) шейные и наручные украшения; 3) пояс; 4) обувные украшения; 5) органическая основа одежды; 6) детали, определяющие внешний вид и крой одежды. Каждый элемент, в свою очередь, имеет внутренне деление.

Типологизированные материалы одежды картографируются по двум хронологическим периодам (II в. до н.э. – III в., III-V вв. н.э.). Однако деление на периоды относится не к каждому конкретному комплексу, а к памятникам, иногда к значительным группам погребений, так или иначе выделяющихся на памятнике. Проблемы, связанные непосредственно с методикой картографирования, решались следующим образом. За единицу картографирования взят конкретный могильник. На карты положены основные, наиболее характерные и ареало-образующие элементы костюма. При их картографировании были применены значковый метод, метод штриховки, комбинированный метод. Карты вполне надежно выявляют закономерности функционирования и развития одежды чегандинского населения.

### Глава III. Элементы костюма.

Глава посвящена анализу деталей одежды. Выделены следующие составные части: головной убор, шейно-нагрудные и наручные украшения, пояс, обувь органические материалы, детали, определяющие внешний вид и крой одежды.

§ 1. Головной убор, вариантами которого являются височные украшения, головные ленты, уборы типа шапочки, накосники и высокие головные с плоским верхом. Для раннечегандинского времени способ крепления *височных подвесок* зафиксирован лишь однажды (Кушулево III, п.127) – в погребении сохранился фрагмент ткани с воткнутыми в него двумя подвесками. В мазунинский период вариант крепления височных подвесок также отмечен один раз – на Ангасякском могильнике (погребение 68), крючок височной подвески был воткнут в кожаную основу головного убора.

*Головной убор ленточной конструкции.* В материалах могильников Чеганда II (погребения 15, 17, 28, 39, 141, 177) и Ныргында II (погребения 51, 53, 65, 94, 204, С3) было обнаружено несколько головных уборов типа кокошника – тонкие бронзовые полосы с отверстиями на концах. В отверстия продевался шнурок, которым скреплялись концы кокошника.

Варианты украшений головных лент самые различные – бляшки, пронизки, бусы, бисер, накладки, размещавшиеся в один или несколько рядов по всей поверхности ленты, в области висков, в районе лба. Своеобразным элементом украшения головных уборов мазунинского населения являются *пронизки-обоймы*, в большом количестве нанизываемые на кожаную или матерчатую ленту. Ленты с такими пронизками могли выступать в качестве самостоятельного вида головного убора, либо украшать нижний край шапочки вместе с бисером, бусами. Другой широко распространенный вариант оформления головных уборов представлен *бляшками с двумя отверстиями*.

*Головной убор типа шапочки (убор с закрытым верхом)*. Конструкция головного убора типа шапочки предполагает, что налобную и теменную часть кроили отдельно. Лента была основой и, независимо от наличия орнамента, присутствовала обязательно. В декоре тульи отмечены различные варианты. Третий вариант объединяет все спорные случаи, когда украшения находились вокруг головы, но восстановить их расположение, в виду сохранности предметов или качества полевой документации, не представляется возможным. Второй вариант включает случаи, когда украшения, обычно бисер, иногда накладки, расположены так, что они заполняли поле тульи шапочки полностью. Дополнительно определены два подварианта: а) украшен верх шапочки; б) украшена вся тулья. Самым интересным представляется первый вариант. Украшения на тулье располагаются вертикальным рядом, вместе с лентой образуя вид перевернутой буквы «Т» (*«Т-образные шапочки»*).

Сохранность материала позволяет восстановить конструкцию головных уборов. Ленты имеют ширину 1,3-2,2 см и длину до 58-60 см. Шапочка состояла из ленты, шириной около 3 см, к которой пришивалась тулья. «Т»-образные шапочки позволяют предположить два варианта кроя тульи. Первый – тулья была образована двумя узкими лентами шириной до 3 см, сшитыми в средней части под прямым углом, к основе пришивались 4 детали подтреугольной формы. Второй возможный вариант – к ленте, шириной до 3 см пришивались две детали полукруглой формы.

Одним из самых редких и трудноопределимых вариантов головного убора являются *накосники*. Безусловно, накосник не может являться самостоятельным видом головного убора. Ему необходима основа в виде шапочки или ленты. В их *размещении относительно самой косы* можно отметить *два варианта*: по всей длине косы – накосники из бляшек, пронизок, височных подвесок и накосники, украшавшие концы кос (большинство случаев с височными подвесками). По материалам погребений было выделено два варианта накосных украшений – в одну и две ленты (*одинарные и парные накосники*). Особенностью

мазунинских памятников является бытование накосников в виде мешочка из железных колец кольчужного плетения, нашитых на ткань. Украшение достаточно тяжелое, поэтому, наиболее вероятно, что крепилось оно к краю шапочки. Косы, либо какая-то прическа (судить о ней, нет данных), помещались в накосный мешочек целиком. Парные накосники из мазунинских погребений украшались также накладками-тройчатками.

Самой неожиданной находкой стало обнаружение, в ходе раскопок С.Э. Зубова на Кипчаковском могильнике, остатков *высоких головных уборов с плоским верхом* (Зубов С.Э., 2000). Аналогичный декор зафиксирован и на других раннегандинских памятниках: в погребениях Кушулевского III (возможно, п. 141, 143, 172), Камышлытамакского (возможно, п. 35, 50), Старокиргизовского (п. 2), Меллятамакского I (п. 6) могильников. В мазунинский период высокие головные уборы зафиксированы на Тарасовском могильнике (п. 28, 232).

В единичном экземпляре зафиксирована челюстно-лицевая подвеска.

В материалах обеих периодов наблюдается поразительное единство, как в видах головных уборов, так и в их декоре. Везде найдены височные подвески, ленточные уборы, шапочки, высокие уборы с плоским верхом. Однотипны декоративные элементы: в раннегандинское время и ленты и шапочки украшаются бисером, бляшками, пронизками, располагающимися в один или несколько рядов. В мазунинский период детали украшений также одинаковы – пронизки-обоймы, пронизки-колечки, бисер, бляшки с парными отверстиями, бронзовые подвески. Это не позволяет выделять типы уборов только по характеру их украшений.

## § 2. Шейно-нагрудные и наручные украшения

К данной категории относятся украшения и предметы одежды (нагрудники) крепившиеся на шее и руках. Фактически – это две самостоятельные группы украшений.

*Украшения, носившиеся на руках* – браслеты и кольца – крайне малочисленны.

К комплексу шейных украшений относятся ожерелья, гривны и предмет одежды – нагрудник. Нагрудник выполнял функцию защиты груди, определял один их видов костюмных комплексов, однако, формально крепился на шее, и автор счел возможным отнести этот предмет к отделу шейно-наручных украшений и предметов одежды.

В раннегандинское время характерным элементом *ожерелий* были так называемые шейные подвески. Мазунинские ожерелья представляли собой кожаный шнурок (реже нить и тонкую проволоку), на которую нанизаны бронзовые спиральновитые пронизки, чередующиеся с бусами, и, иногда, с подвесками из бронзы, железа или раковины. Нахождение одной бусины в области шеи, не показывает, однако, всего ожерелья. Вполне



вероятно, что лесное население использовало в качестве составных частей шейных украшений ягоды, орехи, бересту, иные органические детали. *Гривны* у местного прикамского населения не были распространенным украшением.

*Нагрудники*, призванные закрывать разрез нижней рубахи, В.Ф. Генинг называет излюбленным украшением женской одежды. Нагрудники могли иметь прямоугольную и овальную (языковидную) форму, по конструктивным особенностям их правомерно разделить на цельнопластинчатые и составные.

*Пластинчатые нагрудники* одно из самых эффектных украшений раннегандинского костюма. Однако большинство их зафиксировано не на месте ношения – груди, а отдельно, рядом с умершим. Единственный случай фиксации пластинчатого нагрудника на костяке – погребение 5 Урманяевского могильника. Пластинчатый нагрудник овальной формы найден в погребении 135 Сасыкульского могильника. Подавляюще большинство нагрудников, как прямоугольных, так и овальных, имеют составные украшения.

Достоверно известно десять случаев нахождения украшений в погребениях мазунинского времени, которые можно отнести к нагрудникам (Тарасово, п. 1762; Усть-Сарапул, п. 58; Нива, п. 14А; Бирск, пп. 313, 565; Югомашево-II, пп. 10, 24; Старая Мушта, Р-I, п. 4; Тураево, п. 39; Кудаш).

### § 3. Пояс

Пояса, находимые в погребениях имеют различную конструкцию. Всего было выделено три типа. Тип 1. Пояс «простой» конструкции: застежка, украшения средней части ремня, и наконечник расположены в одну линию. Конец ремня проходит в рамку пряжки. По составу украшений и их размещению, пояса типа 1 были разделены на несколько вариантов (1 – без накладок, 2 – с накладками, расположенными по всей поверхности пояса, 3 – с накладками, расположенными ближе к пряжке, 4 – с накладками, расположенными двумя группами, ближе к пряжке и ближе к наконечнику, в середине пояса – «пробел»), подварианты выделены по наличию крепежных элементов: а – с пряжкой, подвариант б – с наконечником, в – с пряжкой и наконечником; подвариант г – без пряжки и наконечника.

Тип 2. Необходимость выделения такого типа вызвана особенностью крепления раннегандинских застежек с неподвижным крючком и эполетообразных пряжек. В случае с эполетообразной застежкой пояс мог иметь равную ширину на всем протяжении. При использовании застежки с неподвижным крючком свободный конец должен быть уже, чтобы проходить сквозь рамку застежки. Пояса типа 2 разделены на подтипы по виду застежки, определяющей характер скрепления пояса (1 – с застежкой с неподвижным крючком, 2 – с

эполетообразной застежкой), варианты выделены по месту размещения украшений основного ремня: подвариант а – украшена вся поверхность, подвариант б – украшения размещены только спереди.

Тип 3. Пояс с дополнительными привесками. Данный тип характеризуется значительной длиной в развернутом состоянии. Его особенностью является то, что к основному ремню простого типа прикрепляется дополнительная поясная привеска. В другом варианте к очень длинному ремню сзади, приблизительно на середине длины, пришивается еще один. Короткий конец, при скреплении, продевается в рамку пряжки, а длинный свободно свисает. Часто оба конца имели наконечники. Еще один признак таких поясов – соотношение размеров наконечника и пряжки, когда ширина большого наконечника не позволяет продеть его в рамку пряжки. В поясах данного типа варианты выделены по элементам крепления основного и дополнительного ремня (1 – с одним наконечником, 2 – с двумя наконечниками).

Пояс служил и для ношения различных предметов, прежде всего, ножа (в ножнах), оселка (точильного камня), кинжала. Они не являются необходимой деталью поясного набора, но их нахождение в погребении определенно свидетельствует о его наличии. Помимо самого ножа или кинжала в погребениях обнаруживаются элементы их крепления – пряжки, подвески, ножны. Предположительно могли бытовать два варианта ношения ножа/кинжала: 1) нож/кинжал мог крепиться к отдельному, самостоятельному поясу, либо 2) к основному ремню. В случае сохранности ремня можно отметить, что нож/ножны всегда расположены близко от пряжки. В рамках этой же группы следует рассматривать портупейный набор для крепления оружия (мечей, кинжалов).

В раннегандинское время бытовали лишь пояса 1 и 2 типов. Обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, большинство поясов украшено набором, кажущимся случайным, практически нет ни одного пояса с регулярным расположением украшений. Интересны варианты украшения поясного ремня и поясной привески зубами животных. Во-вторых, пояса, украшенные накладками по всей длине, распространены, в основном, в могильниках левобережья Камы. В качестве наконечника на конце поясной привески крепились зеркала, либо одна или несколько ажурных накладок. Заслуживают внимания многочисленные факты нахождения в области пояса сапожковых пронизок и полупронизок, которые составляли набор поясной привески или крепления для ножен.

В мазунинский период бытуют пояса 1 и 3 типов. По сравнению с раннегандинским временем украшения на поясах становятся более «регулярными». Вероятно, все пояса с ромбическими накладками, имеющие значительную длину, относятся к третьему типу.

Длина пояса фиксируется благодаря мазунинской традиции положения поясов в могилу развернуто вдоль тела, в большинстве случаев она равна  $100 \pm 10$  см. Кожа ремней была окрашена в ярко-алый цвет, часто украшена тиснением в виде косой штриховки. Сам пояс состоял из двух или трех слоев кожи, иногда сохранивших прошивку нитками по краю и сшивку отдельных фрагментов. Пояса из трех слоев кожи не сшивались, а скреплялись штифтами ромбических накладок. В нескольких погребениях зафиксированы следы ремонта ремней.

К элементам портупейных наборов относятся пряжки, накладки, наконечники ремешков для крепления оружия, крупные бусы, бутероли и оковки ножен. Вид *оружия* определял способ его ношения и крепления. Портупейный ремень носили независимо от пояса.

В области пояса в погребении 60 Афонинского могильника найдено 33 экз. бус, которые могли быть обшивкой сумочки, остатки кожаного кошелька происходят из Шидалинского могильника.

Раннегандинские пояса второго типа внешне разделяются на две значительные группы. Первая – пояса орнаментированные только спереди. Это касается как мелких украшений, нашиваемых на основу ремня, так и застежек, эполетообразных и с неподвижным крючком. Мелкие украшения на таких поясах расположены хаотично, часто несимметрично. Их набор выглядит случайным. Создается впечатление, что пояс украшался его создателем или создательницей «подручными» средствами.

Вторая группа – пояса с «регулярным» расположением украшений по всей поверхности ремня, образующим определенную схему орнамента. Данная группа значительно менее представительна. Чаще всего эти пояса украшены большим количеством накладок ромбической, прямоугольной, восьмиугольной формы, датированных II в. н.э. Сюда же относятся пояса с типично кара-абызскими накладками с изображением конской головы. Большинство полностью орнаментированных поясов происходит с памятников левобережья Камы. Судя по всему, появление «логики» в оформлении поясных наборов можно объяснить тесными контактами с более южными соседями. Эти контакты осуществлялись, вероятно, в двух плоскостях: либо через личные контакты, возможно брачные, в результате которых в погребениях появляются «импортные» пояса (Юлдашевский могильник), либо через заимствование «идеи» – привнесение в среду местных племен общей концепции (схемы) создания таких форм поясов, однако из местных материалов.

Пояса третьего типа появляются лишь на позднем этапе культуры (не ранее V в.), что связано с влиянием степной кочевой культуры – пояса с дополнительными привесками

известны в большинстве позднесредневековых памятников лесной и степной полосы Восточной Европы. Некоторые авторы считают возможным говорить о трансэтнических «модах» начиная с эпохи Великого переселения народов, чему способствовал престижный характер этих «мод». Следствием чего, явилось формирование «элитарных» культур, не имеющих этнической привязки (Ковалевская В.Б., 1972, с. 102; Иванов А.Г., 1998, с. 47). Это подтверждается, в том числе, и появлением в поясной гарнитуре прикамских племен золоченых пряжек с псевдозернью и инкрустацией стеклянными и каменными вставками и подражаний им.

Еще одно важное обстоятельство связано с поясами прикамского населения чегандинского времени и последующих культур. Самые роскошные пояса являются принадлежностью женского костюма. Этот факт идет вразрез с традиционным представлением о поясе, как неременном атрибуте мужчины-воина. В большинстве культур степной полосы пояс – чисто мужской элемент. В Прикамье же, у раннечегандинского, мазунинского, азелинского, кара-абызского населения, и намного позднее (неволино), «большие» пояса происходят из женских захоронений. Элементы пояса также зафиксированы в младенческих погребениях (Сасыкульский могильник).

#### § 4 Обувь

Органических частей обуви, позволяющих восстановить ее крой и форму, в погребениях чегандинского времени не сохранилось. Незначительные фрагменты кожи и ткани, законсервированные бронзовыми и железными украшениями, не дают представления о внешнем виде обуви. На костях ног и около них обнаруживаются различные пряжки, наконечники, накладки, бляхи, пронизки, бусы. Чаще всего эти украшения образуют единый ансамбль, конкретно – составляют украшения ремешка.

Нахождение в погребениях украшенных ремешков говорит, что наиболее вероятными типами обуви в этих погребениях являются мягкие полусапожки и сапоги. Можно высказать предположения относительно их кроя. Форма накладок из погребения 14 Суворовского могильника говорит о том, что носок обуви и передняя часть подошвы была *закруглена*. А наличие в составе ремешков *плоской* пяточной бляхи, свидетельствует, что пяточная часть была удлиненной, что соответствует цельнокроеной заготовке верха со швом сзади. Этот вариант наиболее вероятен. Либо носок и пятка были равномерно *закруглены*.

#### § 5. Органическая основа одежды

В рассматриваемой группе погребений к остаткам одежды относятся и органические материалы – кожа, ткань, войлок, мех – основа любой одежды. Сохранность органики

напрямую зависит от консервирующих свойств металлов. Распределение ее по памятникам и эпохам крайне неравномерно. В раннечегандинское время находки органики единичны, в мазунинских могильниках – более распространены. Интересные наблюдения можно сделать при визуальном осмотре тканых изделий. Они сразу же распадаются на две большие группы: 1) тонкие плотные с гладкой фактурой, и 2) толстые грубые ткани с зернистой фактурой.

Первый вариант занимает всегда определенное место в погребении – такая ткань сохраняется под бронзовыми украшениями рукавов. Вероятнее всего, тонкая ткань – остатки нижней, нательной одежды – рубахи. Второй вариант встречается в большинстве изделий в качестве основы для головных уборов, поясов, обувных ремешков, под фибулами. Толстая грубая ткань шла на пошив верхней распашной одежды типа кафтана. Один из самых важных результатов анализов тканей – вывод о животном происхождении волокна (шерсть).

В погребениях обнаружены разнообразные по качеству изделия из органических материалов. Сами по себе они не позволяют говорить о внешнем виде и крое одежды. Однако они неоспоримо свидетельствуют о высоком качестве обработки материалов чегандинским населением. Ими обрабатывалась шерсть, и полученные волокна окрашивались. Изготавливалось не менее двух видов тканей, идущих на пошив верхней и нижней одежды. Выделывались шкуры на мех и кожу. Люди были знакомы с большинством приемов обработки материалов и изготовления изделий, присущими традиционному сельскому населению.

#### § 6. Детали, определяющие внешний вид и крой одежды

Расположение украшений – застежек верхней и нижней одежды, обшивок, в сочетании с данными этнографии позволяют высказать суждения о крое одежды. Раннечегандинское и мазунинское население имело в качестве основной одежды *рубаху*, длиной до середины голени или несколько ниже/выше. Ширина подола фиксируется по обшивкам, незначительно выходящим за пределы берцовых костей. Рукав мог иметь различную длину: до кисти, на  $\frac{3}{4}$ , до локтя. Об этом говорят находки больших браслетов, а также зафиксированные обшивки самих рукавов. Обшивки рукавов, относятся именно к отделке рубахи, а не верхней одежды, как считает большинство авторов, что наглядно подтверждается фиксацией ремешков с пронизками и бляшками на фрагментах ткани тонкой выработки. Горловой вырез воротником не оформлялся, либо мог быть небольшой стоячий воротничок. Рубаха шилась из тонкого шерстяного полотна, окрашенного в темный (красный?) цвет.

В погребениях обнаружены как застежки для скалывания ворота, так и остатки нагрудников, для «защиты» горлового выреза. Н.И. Гаген-Торн, выделившая комплекс

признаков, указывающий на крой одежды, считала, что рубаха, скреплявшаяся у ворота застежкой, шилась из двух точив полотна, перекинутых через плечи. Швы, таким образом, располагались по центру спины и груди. Это подтверждается и расположением «швов» на антропоморфной пластике. Второй вариант покроя рубахи также бытовал в среде чегандинского населения. Свидетельство тому – бытование нагрудников. Этот вариант шился из одного широкого полотнища, перегнутого по утку. Горловой вырез закрывался нагрудником.

*Верхняя одежда* (два варианта) шилась из более грубой и толстой шерстяной ткани и, возможно, оторачивалась мехом. Ворот отсутствовал. Для скрепления использовались разнообразные застежки и пояса. Полы соединялись встык или с запахом справа налево. Длина одежды – типа кафтана или халата – доходила до колена. Вероятно, находимые поперек костей ног ряды украшений, относятся именно к верхней одежде. В ряде погребений зафиксированы остатки отделки «курточки».

При реконструкции одежды мужчин не следует упускать из виду, что в исследуемый период мужчина был, прежде всего, воином. В большинстве случаев мужские погребения определяются не антропологическим материалом, а наличием в могиле оружия. Поэтому реконструируемая одежда – это, одежда воина, но основные элементы одежды не могли отличаться существенно, рабочая одежда была лишь значительно проще.

Нахождение обшивок капюшона (Бирск, п.569) поднимает вопрос о бытовании среди местного населения малицы. Фактически – *малица*, это длинная, расширяющаяся к низу рубаха с капюшонам. Прямого соответствия археологические материалы, конечно, не дают. Отсутствие разрыва в «кольце» бисера в области груди однозначно свидетельствуют, что перед нами одежда закрытая, нераспашная. Такой вид кроя характерен для сибирского населения и связан с климатическими условиями и хозяйственной деятельностью. Нахождение предмета одежды глухого кроя с капюшонам на памятнике южной группы факт странный. С другой стороны – эта находка единична, и в нашем распоряжении недостаточно данных, чтобы делать далеко идущие выводы.

Один из самых сложных вопросов – о присутствии в гардеробе местного населения такой детали, как штаны. В ряде погребений отмечены украшения идущие вдоль костей ног, которые можно связать с отделкой штанов. Косвенной «уликой» бытования штанов является наличие в составе погребального инвентаря конской сбруи, удил.

Возможно, в погребениях 172 Кушулевского III и 39 Ангасякского могильников скопления бисера между бедренными костями являются остатками передника (фартука).

В целом, внешний вид и состав древней одежды необходимо признать универсальным явлением. Широкий круг аналогий (из разных эпох и с различных территорий) говорят, в общем, о единообразии формы, комплектности одежды. Длина, ширина одежды, рукавов диктовались хозяйственной необходимостью. Этнические и временные различия проявляются в характере декора, его месте в костюме, средствах и способах его выражения, стоимости.

#### Глава IV. Комплексы костюма и их культурно-хронологическая интерпретация

Рассмотрение археологических материалов погребальных комплексов и изображений на глиняной пластике, позволяют сделать вывод об общих тенденциях в развитии одежды на территории Евразии в эпоху раннего железного века и начале эпохи Великого переселения народов. Параллели в этнографических материалах дают возможность предполагать конструктивные особенности кроя верхней и нижней одежды. В памятниках Прикамья представлены оба основных типа кроя одежды – из одного и двух точив ткани. Это идет в разрез с имеющимися данными об одежде удмуртов, предками которых считаются раннечегандинские и мазунинские племена. У удмуртов (и коми) представлен исключительно второй тип – из одного полотнища.

В принципе, по находкам в погребениях элементов сбруи, предметов вооружения неместного происхождения, можно предполагать сложность процесса консолидации групп населения. Наиболее яркими тому подтверждениями являются погребения воинов позднесарматского периода и эпохи Великого переселения народов. Возможно, в составе единой чегандинской общности уже в тот период существовали этнографические группы, являющиеся нормой функционирования общества.

Учитывая плохую сохранность самих предметов одежды и многочисленность различных украшений, археологами комплексы одежды выделяются по принципу сочетания основных категорий украшений. Целью статистического исследования является создание определенной модели, которая должна отражать средние показатели того или иного явления. Впоследствии модель и все отклонения рассматриваются, и делаются определенные выводы. Это больше подходит для изучения таких археологически фиксируемых явлений как погребальный обряд, орнаментация и форма керамических изделий, хронология. В меньшей степени это подходит для типологии, ввиду значительной изменчивости предметов, связанной с индивидуальностью мастера. В рассматриваемой группе памятников нам *не известно ни одного «совершенного»* комплекса, в котором бы сочетались все детали костюма (их остатки). Остатки украшений ворота сзади найдены лишь в десяти захоронениях. При

обычных статистических процедурах такие числа просто теряются на общем фоне отсутствия. Но это свидетельствует об отсутствии воротника либо о маленьком стоячем воротнике, что важно. *Все выводы о крое одежды и ее внешнем виде делаются на малочисленных, но характерных фактах.* Кроме того, статистика не учитывает самого главного – одежда всегда была. Компьютер же может учитывать только зафиксированные случаи наличия частей одежды (украшения подола, рукава) или застежек. В тех случаях, когда комплекс состоит из одного предмета, например пояса, предметы одежды, которые он подпоясывал, предполагает лишь исследователь, а не машина.

Картографирование выявило следующие закономерности в распространении отдельных элементов. Накосники представлены в раннегандинское время на всей территории, однако тяготеют к среднеикской и правобережной (Камской) группам. Наибольший интерес представляет картографирование шапочек с Т-образным декором и комплексов с застежками ворота, ареалы которых практически совпадают. Однако конкретные погребения (Урманаево, п. 17) свидетельствуют о возможности сочетания комплексов с нагрудниками и Т-образными шапочками. Картография вариантов мазунинских накосников и декора головных уборов показывает, что головные уборы, украшенные пронизками-обоймами, сочетаются с накосниками типа мешочка, что соответствует находкам в погребениях. Территория распространения Т-образных шапочек и комплексов с застежками ворота совпадает, что продолжает традицию раннегандинского времени. Высокие головные уборы (с учетом находок изображений на пластике), территориально тяготеют к скифскому миру, откуда и берут истоки.

Несмотря на различия в хронологии, рассмотренные группы памятников показывают определенное единообразие, как в конкретных предметах одежды, так и их распространении. Наиболее яркие элементы костюма, определяющие, по мнению этнографов, вариант костюмного комплекса, достаточно равномерно представлены на памятниках обоих периодов. Они же указывают на равномерность и непрерывность линии развития костюма. Это хорошо заметно на примере совпадения ареалов бытования шапочек с т-образным декором и комплексов с застежками ворота. В обоих случаях эти ареалы не охватывают всей территории культуры, на «периферийных» памятниках данное явление не представлено. Однако возможно самое простое объяснение данного факта: неравномерная изученность могильников. На памятниках, изученных большими площадями, различные аспекты истории костюма документированы достаточно широко.



Наиболее универсальными явлениями представляются виды головных уборов – ленты и полусферические шапочки, двухкомпонентность одежды. Раннечегандинские памятники (в большей степени, чем мазунинские), особенно южной группы, говорят о сложности процесса сложения культуры (= этноса). Включение этой территории в орбиту влияния ираноязычных сарматских племен сказалось не только на облике материальной культуры, но, вероятно, и на видах одежды. Многочисленные параллели раннечегандинского и мазунинского костюма приводят нас, прежде всего, к ранним кочевникам Великого пояса степей. Еще одна группа параллелей в костюме связана с народами севера Азии. Сходство заключается в цветовой гамме, длине одежды, запахе, отсутствии ворота, находке украшений малицы.

Значительные изменения, произошедшие на просторах Евразии в период переселения народов, несомненно, сказались и на костюме местного населения. Появление новых вариантов декора, предметов одежды, отчетливо фиксируется в погребениях V-VI вв.

Местной, впоследствии утерянной традицией, можно считать крой одежды из двух полотнищ. Почему произошли столь кардинальные перемены, нельзя даже предполагать. В южной Удмуртии мы почти не имеем погребальных комплексов (за исключением Петропавловского могильника) практически 1000 лет. Это время отмечено значительным влиянием осевших в Поволжье тюрок (булгары). Оно коснулось, в том числе и одежды, что наиболее ярко проявилось в наименовании шапочки – «такъя». Изменилась не только терминология, но и крой предметов одежды. Столь значительные различия между археологическими и этнографическими материалами, на данный момент не находят должного объяснения.

В целом, в материалах костюма наиболее ярко прослеживается взаимодействие степного и лесного населения, что подтверждает мнение М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова о необходимости выделения Среднего Поволжья и Прикамья в самостоятельную Волго-Камскую историко-этнографическую общность (Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н., 1955, с. 12).

В Заключении подведены итоги исследовательской работы, а также намечены основные направления дальнейших исследований.

В диссертационной работе обобщен, по возможности, весь имеющийся на сегодняшний день корпус источников по одежде чегандинской культуры. Дальнейшее изучение этих материалов может быть направлено на углубление и уточнение отдельных аспектов темы и связано с применением новых методов и обработкой новых данных (изучение текстиля и органики – реконструкция приемов выработки и обработки материалов одежды).

Методологическая сложность изучения костюма по археологическим данным связана с сохранностью самого источника. Для одних этносов сохранились многочисленные описания путешественников, изобразительные памятники. Прикамский регион достаточно поздно вошел в орбиту крупных государственных объединений, которые заинтересованы в такого рода информации. Исследователь может располагать лишь материалами погребальных памятников.

Рассмотрение конкретных материалов и реконструкция элементов костюма по материалам могильников позволила значительно дополнить и уточнить информацию по костюму Прикамья в эпоху раннего железа. Для этого периода впервые удалось выделить различные виды нагосных украшений, два варианта нагрудников, специфические пояса, появление которых фиксируется не позднее II в. н.э. Для мазунинского периода впервые зафиксировано бытование высоких головных уборов с плоским верхом, нагрудников, типов поясов, более характерных для степных кочевников.

Впервые были предложены варианты кроя головных уборов, нижней и верхней одежды, обуви. Часть выводов носят гипотетический характер, однако, внешний облик костюма определен, вероятно, верно.

Кроме того, костюмные материалы ни в коей мере не свидетельствуют о V в., как о рубежном времени для прикамских культур. Значительные изменения в костюме происходят лишь на рубеже VI-VII вв., когда входят в «моду» новые украшения, пояса, универсальные для всей Евразии эпохи средневековья.

Рассмотрение материалов с применением методов этнографического картографирования показало, что и костюмные элементы, и простое размещение памятников на территории не дает возможности однозначно утверждать о прямой преемственности археологических культур и этнографического населения, хотя данная точка зрения считается общепринятой. Костюмные материалы наиболее близки к памятникам ираноязычных кочевников степей Евразии железного века. Это проявляется в отдельных костюмных деталях, декоре. Менее значительное, но характерное влияние связывает местные племена с охотниками и скотоводами Северной Азии.

Этнографические материалы современного удмуртского населения показывают бóльшую степень сходства с костюмом соседних тюркоязычных народов, как в составе костюма, так и в терминологии. Вероятно, сложение удмуртского национального костюма является следствием взаимодействия древнего населения края и представителей Булгарского государства, и может быть отнесено, приблизительно, к IX-X в.

Результаты исследования не только ответили на отдельные вопросы истории костюма в частности и истории чегандинских племен в целом, но и поставили множество новых. Несомненно, необходимо рассмотреть древний и современный костюм, причем в рамках сравнительно-сопоставительного анализа, как две независимые системы. Это позволит увидеть сходство и различие в одежде, выявить время возникновения различных элементов, деталей и предметов одежды, пути и способы их проникновения.

Выявленный в результате анализа достаточно однородный характер одежды раннечегандинского и мазунинского населения просто необходимо рассматривать в соотношении с другими периодами и территориями. Даже беглый взгляд на комплекс остатков одежды из погребений указанных культур раннего средневековья дает представления о значительном изменении облика одежды в эту эпоху, яркий пример – появление в костюме местного населения одежды, закалываемой двумя симметрично расположенными застежками, фиксируемыми в районе плечей (поздние погребения Бирского могильника, именьковские захоронения, могилы 30 Суворовского и 1 Азелинского могильников). Причем, в рамках этих исследований необходимо отказаться от рассмотрения темы по отдельным археологическим культурам. Видимо, необходимо обрабатывать археологический костюм как «живой» этнографический материал или как археолого-этнический тип (по В.Ф. Генингу), что вызвано сложностью этнокультурной ситуации в регионе в раннем средневековье и значительной «чересполосицей» населения.

Несмотря на фрагментарность источника (конкретные погребальные комплексы, отсутствие письменных свидетельств по столь раннему периоду, схематизм и значительная стилизация изобразительных материалов и отсутствие методологической основы) имеющиеся в распоряжении автора данные позволили по-новому осветить множество разнообразных вопросов, касающихся конкретных элементов костюма, его истоков, развития, культурных контактов и заимствований. Данный источник впервые был собран во всей полноте. Выводы большинства исследователей по рассматриваемой культуре строились на изучении памятников только одной территории (Удмуртии или Башкирии), автору первым удалось ознакомиться с материалами всех восьмидесяти могильников.

В большинстве работ предметы, добытые в результате археологических раскопок просто «надевались» на этнографический костюм, что приводило к неправомерным, бездоказательным выводам о происхождении и развитии одежды, которые использовались для «обоснования» этапов развития этносов. Выводы о более раннем генезисе костюма строились на неверном понимании основных артефактов. Впервые было установлено, что

национальный удмуртский костюм складывался не ранее периода IX-X вв. при значительном влиянии Булгарского государства. Тюркское влияние фиксируется как в крое, так и в терминологии предметов одежды. Яркой иллюстрацией может служить трактовка истоков возникновения круглой сферической шапочки, не имеющей ничего общего с «такьей».

Данный, впервые в прикамской археологии обработанный источник, дал совершенно новые результаты как по отдельным элементам костюма и облику одежды в целом. Предложенные варианты реконструкции кроя головных уборов и одежды, выделенные варианты поясных наборов прикамского населения, определенно свидетельствуют о сложности и неоднозначности сложения костюма. Полученные данные позволяют уверенно говорить о южных (ираноязычные кочевники) и сибирских (палеосибирские и самодийские народы) параллелях в одежде, которые наблюдаются в крое, цветовой гамме, местах размещения декора.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Краснопёров А.А. Исследования Боярского («Арай») могильника в Среднем Прикамье // АО 2002. – М.: Наука, 2003. – С.305-306 (совместно с: Черных Е.М., Лаптева Т.А., Бернц В.А., Перевощиков С.Е., Карпушкина О.А.).

2. Краснопёров А.А. Исследования Боярского (Арай) могильника в Среднем Прикамье // АО 2003. – М.: Наука, 2004. – С.344 (совместно с: Черных Е.М., Лаптева Т.А., Перевощиков С.Е.).

3. Краснопёров А.А. Костюм населения Прикамья (по материалам Икского могильника IV в. до н.э. - II в. н.э.) // XXXVI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (2-5 февраля 2004 г.) / Сборник материалов. – Пенза: ПГПУ, 2004. – С.102-104.

4. Краснопёров А.А. Костюм населения Прикамья в пьяноборскую эпоху (по материалам Усть-Сарапульского могильника) // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова. – Казань: Школа, 2004. – С.115-127.

5. Краснопёров А.А. Костюм древнего населения по археологическим данным (история и проблемы изучения Прикамского костюма) // Материалы XXXVII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции / Под ред. В.В. Латюшина, Н.Б. Виноградова, В.П. Костюкова и др. – Челябинск: ЮУКИ, 2005. – С.104-107.

6. Краснопёров А.А. Головные уборы пьяноборского времени // Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия / Материалы региональной научно-практической конференции. – Екатеринбург: б/и, 2005. – С.77-92.

7. Краснопёров А.А. Нагрудники пьяноборского времени из раскопок В.Ф. Генинга // Урал-Алтай: через века в будущее / Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: Гилем, 2005. – С.186-189.

8. Краснопёров А.А. Одежда и украшения мазунинской культуры (по материалам раскопок В.Ф. Генинга) // Археология Урала и Западной Сибири: к 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Екатеринбург: б/и, 2005. – С.195-200.

9. Краснопёров А.А. Нагрудник в составе мазунинского костюма // Современный музей как важный ресурс развития города и региона / Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 1000-летию Казани и 110-летию Национального музея Республики Татарстан (12-17 сентября 2005). – Казань: Школа, 2005. – С.176-178, 332.

10. Краснопёров А.А. Пряслица в погребениях чегандинской культуры // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции / Глазов. гос. пед. ин-т. – Глазов: б/и, 2005. – С. 128-129.

11. Краснопёров А.А. Одежда населения Среднего Прикамья по материалам Тарасовского могильника / Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. 31.01.2006-03.02.2006 / отв. ред. Д.В. Васильев, А.В. Сызранов. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2006. – С. 100-101.

12. Принципы и методика изучения древнего костюма (головные уборы чегандинского населения) / Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. научн. трудов / Гл. ред. Н.А. Томилов, отв. ред. М.Л. Бережнова, М.А. Корусенко. – Омск: «Издательский дом «Наука», 2005. – С. 79-81.